

по сказке

П. Ершова

КОНЕК
ГОРБУНОК

Часть 2

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.

Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.

— Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего

Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.

—Говори ты! Как не так!—
Про себя ворчит дурак.
И, подняв перо Жар-птицы,

Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
— Как туда я доснакал,

Пень горелый увидал.
Раздувал его я с час —
Нет ведь, чёрт возьми, угас!

Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали.

А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Ноль не скажет городничий —
Ничего не покупать,

Ничего не продавать.
Вот обедня наступает,
Городничий выезжает.

Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
— Эй, честные господа,

И нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд,

Смотрит – давна от народу,
Нет ни выхода, ни входу.

– Эй! Вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!
Закричали усачи

И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд,
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,

Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой
Хвост струится золотой...

Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,

Не зевали, не кричали,
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.

Царь не мог тут усидеть.
— Надо коней поглядеть, —

Говорит он. — Да не худо
И завести такое чудо.

Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился...

Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит...
— Кто хозяин?— Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,

Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
— Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я.

– Ну, я пару покупаю!
Продаёшь ты? – Нет, меняю.
– Что в промен берёшь добра?

– Два-пять шапок серебра, 17
То есть это будет десять. –
Царь тотчас велел отвесить.

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых...

Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,

Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад.
Говорит ему: — Ну, брат,
Пара нашим не даётся:

Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить.

— Чудно дело! Так и быть, | Только, чур, со мной не драться
Стану, царь, тебе служить. | И давать мне высыпаться. [21]

И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей...
И под песню дурана

Кони пляшут трепана.
А конёк его горбатно
Так и ломится вприсядну.

Наш удалый молодец
Затесался во дворец,
При конюшне царской служит

И нисколько не потужит. 23
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,

И не чистит, и не школит,
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня.

Чисто-начисто обмыты,
Гривы в носы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,

Шерсть – ну, лоснится, как шёлк!
– Что за притча тут такая? –
Спальник думает вздыхая.

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком

И обсыпался овсом. 30
Он ни жив, ни мёртв лежит,
Сам всё в дырочку глядит,

Ждёт Ивана...

Чу! В сам-деле,
Двери глухо заскрипели,

Нони топнули, и вот
Входит старший коновод.

Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт

И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.

Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал:
— Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!

А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая

Угрожает, всё плетёт
Гривы в носы да поёт.

Тут Иван перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,

Шапку под ухо — и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться.
Он тихонько вниз слезает

И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватить перо – и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился:
— Наш Иван, то всякий знает,

От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...

– Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляется достать.–

И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Но кровати подошёл,
Подад клад – и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся...
И вскричал (от нетерпенья),

Подтвердив своё веленье
Быстрым взмахом кулака!
— Гей, позвать мне дурана!

И посыльные дворяна
Побежали по Ивану:
— Царь изволил приказать

Нам тебя к нему позвать.
— Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,

Крякнул дважды и спросил:
– А пошто меня будил?

Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом:
— В силу коего уназа

Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?

– Нет пера! Да, слышь, отнуда
Мне достать такое чудо?
Царь с кровати тут вскочил

И ларец с пером открыл.
– Это что? А? – Тут Иван
Задрожал, как лист в буран.

—Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж вратъ не стану.—
И, закутавшись в полу,
Закричал царь.

Растянулся на полу.
—Ну, для первого случая
Я вину тебе прощаю,—

– Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу

В нашу царскую светлицу,
Посажу тебя я на кол.
Вон, холоп! – Иван заплакал.

КОНЕЦ 2-й ЧАСТИ

Д-71-86

42

